

В эти дни на берлинской Унтер ден Линден, где расположен Музей Гуггенхайма, нескончаемый поток людей. Что даже удивительно. Геометрические кошмары Малевича по-прежнему в моде. В очереди чаще всего слышны только две фразы: "Раша — йя, йя" и "Ред скверз" и "Блэк скверз", то есть "Красная площадь" и "Черный квадрат" — два символа России в представлении образованной западной публики.

Удивительно, но эта выставка доказывает, что мода на русский авангард, на эту сумасшедшую геометрию гениальности продолжается. В экспозиции — 80 самых значимых работ зачинателя загадочного течения, которое он сам назвал "супрематизмом". Расщедрились для юбилейного показа крупнейшие музеи, такие, как Русский из Санкт-Петербурга, нью-йоркский музей MOMA, амстердамский "Стеделийк", да и малые городские — из Екатеринбурга, Саратова, а также частные коллекционеры, представившие несколько полотен и рисунков Мастера, до этого никогда и нигде не выставлявшихся. В том числе уникальное собрание Харджиева.

Отношения Харджиева и Малевича — вещь особая. Знаменитый коллекционер Харджиев не был с первопроходцами и новаторами левого искусства с самого начала. Но оставался с ними до самого конца. В 30-е годы, когда над творчеством многих художников нависла угроза физического уничтожения, он стал собирать архив и, главное, супрематическую живопись. Собирая, он фактически спасал, причем не только картины, но и архивные материалы гонимых художников, поэтов, писателей. За хранение одной только переплски с Хармсом в сталинские времена Николаю Ивановичу была прямая дорога в лагерь.

Близкие люди, и среди них бывший библиограф музея Маяковского Вера Сулимова, свидетельствуют: в быту Николай Иванович Харджиев был чрезвычайно скромным. Он знал

КВАДРАТ И ХЛЕБ

В Берлине в Музее Гуггенхайма проходит самая значительная выставка Казимира Малевича, посвященная его 125-летию. На выставке выставлены шедевры из частных коллекций, которые прежде никогда не выставлялись. В том числе из собрания самого крупного знатока и собирателя русского авангардного искусства Николая Харджиева. За три евро можно полюбоваться геометрическими кошмарами Малевича.

МАЛЕВИЧА

Бегущий человек. Из собр. музея Стеделийк.

одну, но пламенную страсть — искусство авангарда. В окружении живописных полотен, которым, образно говоря, нет цены, он спокойно удовлетворялся чаем с черным хлебом. Кстати, очень любил черный хлеб. И вообще почитал черный цвет, считал, что в нем заключена какая-то непостижимая тайна мироздания. Черный хлеб, черный квадрат...

Если бы не склад с картинами и рукописями крупнейших мастеров авангарда, устроенный в двухкомнатной московской квартирке, — история Серебряного века была бы полна зияющими "белыми квадратами".

В 1935 году, когда Малевич умирал, врачи сказали — существует одно чудодейственное лекарство. В поисках его Харджиев обегал всю

Москву. Тщетно! Наконец узнал — оно есть! У Татлина. Но Казимир Северинович никаких отношений с Малевичем не поддерживал. А Харджиев лекарство все-таки попросил. И принес его умиравшему гению. Вот только умолчал, у кого взял... А иначе бы тот не взял.

Понятно, что даже "хрущевская оттепель" не отморозила для публичных смотрин крамольную живопись Малевича. Но вот с начала 60-х годов вокруг нее в Москве начали происходить загадочные вещи. В музее Маяковского, а точнее в небольшой пристройке к нему, тихо, без всяких объявлений, вдруг стали вывешивать (на два-три дня) произведения супрематистов, современников поэта, работавших с ним, входивших в круг личного общения.

Сарафанное радио разносило "крамольную" весть по столичным художественным кругам. В переулке, что вел к заветному входу в зал, собирались толпы страждущих. Однажды даже пришлось вызывать конную милицию. Устраивал "кошмар советской власти" Харджиев. Это была его гениальная идея — выставлять запрещенных художников в качестве оформителей книг Маяковского. "Трибун революции" служил супрематистам "крышей". Показывали не столько иллюстрации, сколько лучшее из созданного русским авангардом. Для кратких блиц-показов высокого разрешения не требовалось. Ответственность брала на себя директор музея Агния Езерская. Действовали не по правилам — без плана выставок. Все было в голове у Харджиева, в его феноменальной, как компьютер, памяти.

Он знал, что где взять, — будь то музейный фонд, частная коллекция, семья художника или его собственное собрание. А после закрытия выставки отправлял картины обратно владельцам. Поэт Геннадий Айги вспоминал, как отвозил работы по адресам, которые ему давал Харджиев. Кстати, прошлые обвинения в адрес самого авторитетного в стра-

не, да и в мире, знатока русского авангардного искусства — в нечистоплотности, в том, что, мол, брал работы и не возвращал, — полная чушь. "Работая с Харджиевым, я таких упреков в его адрес не слышала, — замечает заместитель директора музея Маяковского по науке Муза Немирова. — "Он был в дружеских отношениях, что называется, на "ты" с теми, кто составлял цвет российской культуры: с Ахматовой, Цветаевой, Мандельштамом, Малевичем, Татлиным" (перечислять можно без конца).

На склоне лет он, видимо, мечтал только об одном — уберечь дело своей жизни, создать художественный фонд на основе своей коллекции. В результате в 1993 году 90-летний Харджиев покинул Россию по приглашению Амстердамского университета.

Теперь, благодаря юбилейной выставке, весь цвет Малевича практически отовсюду собран в одном месте. Кроме знаменитого "Черного квадрата" на выставке представлен другой шедевр — менее известный "Красный квадрат" и другие работы из коллекции Харджиева.

Значение выставки невозможно переоценить: наконец-то впервые можно собственными глазами увидеть все главные супрематические работы Малевича, напоминающие вид городов сверху. Хотя сам художник считал, что он рисует реальность, но только без "похожего изображения вещей", разрыв страшный двадцатый век на абстрактные, ничем не украшенные геометрические фигуры.

В конце апреля выставку повезут в Хьюстон, а затем в нью-йоркский Музей Гуггенхайма. Вот так Казимир Малевич преумножает ныне славу русской культуры, духовно сближая Россию с остальным миром. "История не может предупредить поколение, чтобы оно, когда встретит среди себя новатора, не осмелело его..." Казимир Малевич.

Дмитрий СЕРГЕЕВ.

19. см. и / 05

Моск. Комсомолец - 2003 - 12 апр - с. 4